

Н.В. Кашовская

ИУДЕИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА (из опыта каталогизации еврейских надгробных памятников Южного Дагестана)

Устная коллективная память, которую сумели зафиксировать исследователи XIX в., сохранила предания и события, происходившие не ранее XVI–XVII вв. В преданиях горских евреев отсутствуют четкие сведения о времени поселения их предков на Восточном Кавказе и о месте, из которого они были переселены на Кавказ. В XVII в. Адам Олеарий и Ян Стрейс отмечали, что, по мнению самих горских евреев, они происходят из Иудова и Вениаминова колен [Анисимов 1888: 14; Дорн 1864: 252–286; Козубский 1906: 61–63, 66–68; Семенов http://sarkel.ru/istoriya/o_rannih_kontaktah_vostochnokavkazskih_evreev_i_hazar_semenov_igor_godovich/]. Уже первыми исследователями Дагестана (Дорн, Иуда Черный, Анисимов) признавалась недостаточность письменных источников. Ими наиболее остро обсуждался вопрос о происхождении и этнической идентичности горских евреев. В его разрешении важны любые свидетельства о жизни и историческом прошлом еврейских общин. Анисимов отмечал, что «народная традиция сохранялась на разговорном языке», который с конца XIX в. в специальной литературе именуется как еврейско-татский, и в тюркских языках, что вполне укладывалось в ситуативную и региональную норму межэтнических отношений диаспоры [Анисимов 1888: 14; Семенов: [Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого \(Кунсткамера\) РАН
\[http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-299-9/\]\(http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-299-9/\)](http://berkovich-</p></div><div data-bbox=)

zametki.com/Nomer11/ Semnov1.htm; Викторин 2015: 193–195]. Именно язык позволяет выделить горских евреев как особую субэтническую еврейскую группу, сформированную на Восточном Кавказе — на территории современных Республики Дагестан (в составе Российской Федерации) и Азербайджанской Республики. Их разговорным языком является так называемый еврейско-татский язык, в основе которого лежит диалект среднеперсидского [Викторин 2015: 193–195]. Еврейско-татский язык содержит также довольно значительный пласт лексических заимствований из арамейского и древнееврейского и, кроме того, из современных азербайджанского, кумыкского и других языков [Семенов: http://sarkel.ru/istoriya/o_rannih_kontaktah_vostochno-kavkazskih_evreev_i_hazar_semenov_igor_godovich/].

В этнокультурном отношении горские евреи являются частью мира иранского еврейства, с которым они еще в начале XIX в. — до включения Восточного Кавказа в состав России — поддерживали довольно тесные связи [Викторин 2015: 191, 193–195]. Об этом может свидетельствовать, например, их знакомство с языком зебони имрани, посредством которого иранские евреи, говорившие на различных диалектах, общались между собой. Кроме того, в XVIII–XIX вв. довольно большое число иранских евреев, главным образом из Гиляна, переселилось на Восточный Кавказ и интегрировалось в состав различных горско-еврейских этнографических групп [Семенов: <http://mncipri.narod.ru/t002.htm>; Шапира 2010: 81–82]. Еврейские общины Восточного и Северного Кавказа постоянно на протяжении Средних веков пополнялись мигрантами из Закавказья, Грузии, Ирана [Шапира 2010: 79–80]. Турецкие завоевания Ирана, части Кавказа XVI–XVII вв. еще раз перемешали состав еврейских общин. Евреи Восточного и Северного Кавказа относились к другому культурно-историческому ареалу, но большей частью они были иранского происхождения [Шапира 2010: 80–81]. Слова раввина Дербента Ицхака бен Якова Мизрахи (1795–1877), что евреи города пользуются «еврейской письменностью, но иногда те, которые не так хорошо владеют еврейским, пишут на принятом среди нас татском», подтверждают этот тезис [Черный 1884:

48]. Можно предположить, что средневековый иврит в среде горских евреев сохранялся как язык образования и религиозных практик [Чернин 1986: 205–206].

К сожалению, ни мусульманские, ни еврейские источники [Голб, Прицак 1997: 13, 46, 129; Арутюнян 1970: 134], повествующие о горах Кавказа (Дагестана) как области, где в хазарский период уже жили евреи¹, ни предания о переселении в Дагестан предков горских евреев из Сасанидского Ирана в качестве солдат-строителей для защиты от набегов тех же кочевников не могут в полной мере восстановить последовательную историческую картину расселения [Шапира 2006: 8–30]. По мнению М. Куповецкого, в изучении евреев Кавказа «белым пятном» в истории еврейских общин региона остаются в XIV–XVII вв. — позднее Средневековье и раннее Новое время, а исследователи ограничиваются самыми общими рассуждениями о положении и статусе евреев [Куповецкий 2014: 32–33]. Привлекаемые ими персидские, западноевропейские, из соседних регионов, синхронных во времени, еврейско-персидские и русские источники также пока не создают общей картины. Возможные исторические связи между горскими и грузинскими евреями Кавказа, о которых говорят исследователи, изучаются на уровне постановки проблемы [Черный 1992: 2–18; Шапира 2010: 82–83; Лернер 2014: 12–13; Лернер 2008: 1; Арутюнян 1970: 15; Куповецкий 2014: 33].

Реконструировать картину прошлого в таком историографическом провале можно только в общих чертах. Именно дискуссионность вопросов о направлении миграции евреев в XVII–XIX вв. в горные районы Дагестана заставляет искать новые источники и вводить их в научный оборот.

Уцелевшие древние еврейские кладбища Дагестана, затерявшиеся в ущельях или тенистых долинах, а то и поднявшиеся на отроги гор, позволяют составить весьма широкое представление о «географии расселения еврейской диаспоры по территории»

¹ Израильский исследователь Д. Шапира не связывает иудаизацию хазар с евреями Дагестана, как и происхождение последних от принявших иудаизм евреев Хазарии.

Дагестана [Кашовская 2013: 55–62; 2014: 84]. Эпиграфическое изучение кладбищ селений Южного Дагестана, где данный регион рассматривается как наиболее возможный путь передвижения общин из Карабаха и Шемахи, может обещать реальные результаты. Основными объектами нашего исследования стали надгробные камни некрополей Дербента и селений в его «округе»: Маджалиса, Ньюджи, Карчага, Джераха, Мараги, Хели-Пенджика, Янгикента. В данной статье представлены предварительные выводы.

В «Асари-Дагестан» («Исторические сведения о Дагестане») Гасана-Эфенди Алкадари (1834–1910)¹ (историка, философа, поэта-просветителя Дагестана конца XIX и начала XX в.) в исторической последовательности перечисляются селения Южного Дагестана². Марага в северном Табасаране записана в одном ряду с Рукелем, Митагами и другими селами. Об этом ауле сообщает «голландский посол» Адам Олеарий, посетивший Дагестан в 1637 г.; в своем свидетельстве о торговле табасаранских евреев в Шемахе он указывает на Марагу как на одну из торговых остановок [Олеарий 1906: 487; Козубский 1906: 61–63]. О ней упоминает в своем описании о горских евреях еврейский же путешественник Иуда Черный (1835–1880), он насчитал в ауле 16 «дымов» на 60-е годы XIX в. [Черный 1992: 42].

В настоящее время в этом селении живут лезгины. Старый иудейский квартал находился на северо-западных высотах селения, а кладбище — на склоне ущелья (рис. 1³) Все, что нам, удалось обнаружить на некрополе, — это три надгробия, два из которых, вкопанные в грунт, установлены над могилами. Третье зафиксировано в лежачем положении и, скорее всего, не на своем первоначальном месте. Все три памятника представляют собой прямоугольные стелы, выполненные из местного камня, извест-

¹ Гасан Алкадари (1834–1910), лезг. Гьасан-эфенди Алкьвадари. Полное имя: Хасан-эфенди ибн Абдуллах ибн Курбанали аль-Алкадари.

² На русском языке книга Гасана Алкадари «Асари-Дагестан» в переводе А. Гасанова была напечатана в 46-м выпуске «Сборника сведений для описания племен и местностей Кавказа» в 1929 г. в Махачкале.

³ Все используемые в статье фотографии — авторские.

кового туфа. На одном из них вырезан прямоугольный экран, в котором выбита надпись. Надписи выполнены на еврейском языке на двух памятниках очень плохой сохранности, из-за чего не удалось вычитать тексты полностью.

Первое надгробие найдено извлеченным из земли, видимо произошло это достаточно давно, так как практически по всей длине надгробия (около двух метров) поверхность одного цвета без каких-либо следов заглубления (рис. 2). Тем не менее по положению данного памятника можно только предположить, что заглубление было на 60–70 см. Это расстояние от картуша до нижнего горизонтального ребра. Верхний край надгробия закруглен, а нижний, наоборот, заострен. Надпись в картуше распределена равномерно, по легкой разметке, но плохая обработка поверхности, неглубокий рельеф и образовавшиеся вследствие эрозии каверны способствовали разрушению текста, потому не все слова эпитафии вычитываются. Довольно трудно поддается расшифровке строка, где как раз указывается дата: ה'ש'ה'ל'כ'ה' — над каждой буквой даты поставлены дополнительные риски-ригели; формула даты записана в Малом счислении, на что указывает аббревиатура ל'פ'ל на строке ниже, и тогда предлагается для прочтения 1600 г. Мастер использовал курсивный шрифт, его личный почерк проявляется в начертаниях отдельных букв: «א» (алеф) — он на строках расположен вертикально, «ש» (шин) — широкий и скругленный, «ל» (ламед) — соединение почти геометрических линий.

Второй, самый ранний из уцелевших камней, также подвергся эрозии. Слегка обработанная поверхность от выветривания покрылась мелкими кавернами, выросшие лишайники дополнили процесс разрушения, первые строки полностью стерлись. Затруднены для прочтения и три нижние строки, дата указана на предпоследней строке — 300 г. (1540 г. по Р.Х.), записанная в традиции Малого счисления (рис. 3). Надпись нарезалась на неразлинованной поверхности, мастер на глаз держал направление строк, из-за чего они к левому краю уходили вниз. Размер букв курсивного почерка этой надписи примерно одинаков (заключаем по букве «ש» (шин), которая встречается в тексте трижды),

и вырезаны они в неглубоком рельефе, что, вероятно, и послужило причиной разрушения большей части эпитафии.

Эти два памятника лапидарного письма, представляя восточно-кавказскую диаспору XVI–XVII вв., отражают свою местную традицию письма, его квадратный почерк неизбежно склонялся к полукурсиву или вообще к курсиву, к упрощенной его форме. Как показывает изучение надгробных памятников, переход на квадратный почерк печатного образца в эпиграфике общин Дагестана стал наблюдаться лишь с рубежа XVIII–XIX вв. Поэтому к датировке эпиграфических источников почерки и шрифты надписей имеют непосредственное отношение, так как они фиксируют определенные навыки и традицию.

Примечательно, что почерку эпитафии 1600 г. с первого надгробия из Мараги нашлись аналогии на памятниках кладбища селения Абасава¹. Возникновение Абасава связывают с событиями в Дербенте 1630 г., когда многочисленная община Дербента была вынуждена покинуть город, большинство семей осело в 10 км от города в основанном ими селении, названном Абасава [Козубский 1906: 63–64; Черный 1992: 13–14; Викторин 2015: 193].

Из сохранившихся к 2009 г. надгробий самые древние — середины XVII в. Всего надмогильных камней с эпитафиями уцелело чуть более 30, но и они подтверждают историческую картину XVIII–XIX вв. В 1760 г. Фатали-хан разрешил евреям соседних селений поселиться в Абасава (отмечается приток новых почерков). Но уже в 1799 г. ситуация меняется. Война Сурхай-хана Казикумухского и Кюринского ханств против Шихали-хана Дербентского принесла разорение в селение Абасава, и после того, как правитель Кази-Кумуха вырезал население Абасава, Шихали-хан приказал уцелевшим абасовинцам (около 160 человек) переехать под защиту дербентских крепостных стен и выделил им участок под застройку. Таким образом, оставшиеся жители переселились в Дербент, в котором новый правитель Али-хан дал им землю.

¹ По Семенову И.Г. — Абасово [Семенов И. Горские евреи Северного Кавказа и Дагестана: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>].

Действительно, самое позднее надгробие на кладбище Абасава датируется 1827 г. Такие небольшие сведения с надгробных текстов, как имена, титулы, евлогии, но привязанные к датам, являются неоценимыми и конкретными историческими свидетельствами о месте и времени пребывания общин дербентской округи.

Из других источников выясняется, что до конца XVIII в. евреям Дербентского ханства запрещалось жить в самом Дербенте. Еврейский квартал в этом городе появился лишь в 1798 г. [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Место, отведенное для абасавинских переселенцев, было болотистое и кишело малярийными комарами. Прошел не один год, пока абасовинцы засыпали болото особой глиной, привозившейся ими на арбах с берега реки Рубас, в двадцати километрах от города [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Лишь после этого они построили там свои дома, ставшие первыми постройками еврейского магала (квартала). Шихалихан (1791–1806), ставший ханом Дербента после смерти Фаталихана, уравнил евреев в правах с мусульманами и предоставил им статус постоянных жителей Дербента, разрешил селиться в центре города. У южной крепостной стены появился новый еврейский квартал, получивший название «Тенге-махала».

В 1806 г. Дербентом овладели русские войска, были установлены границы с Персией и Турцией, но из-за постоянно возникавших локальных конфликтов линия границ была весьма условной: на подвижных южных границах постоянно назревали «живые» конфликты. Военное столкновение произошло у границ Дербента в 1830 г., тогда в месяце Ав (июль-август) 1830 г. были похоронены 12 мужчин (Мордехай с сыновьями). Эти погребения положили начало новому дербентскому еврейскому кладбищу (рис. 4). Текст некролога на первых надгробиях общий, почти трафаретный, почерк резчика также одинаков, однотипны надгробия и по архитектуре. Но уже через десяток лет появляется архитектурное разнообразие в оформлении стелы, что может являться косвенным свидетельством об окрепшей материально общине.

На всем протяжении Кавказской войны (1817–1864), были ли это события, когда Гази-Магомед, первый имам Дагестана, подступил к Дербенту и блокировал его, или походы Шамиля на селения Табасарана, еврейское население окрестных сел, в том числе и из Кайтага, укрывалось за дербентскими крепостными стенами [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Все они, как и дербентские мусульмане и армяне, вместе с русскими войсками участвовали в отражении атак горцев и отстаивали город. После замирения военных столкновений большинство евреев вернулось в родные селения, но многие навсегда остались в Дербенте и пополнили население еврейского квартала.

Надгробные стелы 1830 г. с раннего участка еврейского некрополя Дербента очень близки надгробным камням из Абасавы 1820-х годов характерным почерком резчика, структурой эпитафий, стилистическими оборотами и формулами записи дат. Эти же характерные приемы обнаружались на некрополе горного селения Маджалис.

Этнографические описания этого аула, который входил в «Кайтаго-Табасаранский округ», представлялись путешественниками и исследователями еще с XVIII в. [Черный 1992: 9], но вопрос появления в этом селении еврейской общины отсылался к преданиям. В области Кайтаг в древности еврейское население было сосредоточено в ущелье Дерей-Гата, которое мусульмане обычно называют Джууд-Гатта, «Еврейское ущелье». В прошлом там находилось семь селений [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>; Беккер 2015: 184]. В XV в., когда был основан Маджалис, столица кайтагских уцмиев, многие из евреев, живших в Дерей-Гата, стали перебираться в новый город. Со временем их дома составили большинство — около двух третей населения. После переселения в Маджалис некоторые из прежних селений оказались заброшенными, и даже «имена», как говорит И. Семенов, «не всех из них сохранились, другие же еще долгое время продолжали существовать и были частично заселены мусульманами — даргинцами и кумыками» [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Поэтому данные

эпиграфических исследований, а именно эпитафии кладбища Маджалиса, возможно, восстановят конкретную историческую ситуацию.

Некрополь, дошедший до наших дней и действующий поныне, принадлежал общине, которая регистрируется памятниками с 40-х годов XIX в. [Черный 1992: 42]. Расположен он на северной окраине селения, на склоне горы. Занимает приблизительно 800 кв. м, на кладбище уцелело 145 надгробий (рис. 5). Надгробия выполнены из местного камня — туфа и песчаника. Типологически они однообразны. Это стелы, которые редко украшены декоративными рамками, розетками, шестиконечными звездами. Все уцелевшие надгробия снабжены текстами на еврейском языке.

Первой датой из зафиксированных эпитафий является 1842 г. (рис. 6). Всего этим временем датируются шесть надгробий. Тексты вырезаны одним почерком квадратного письма с курсивными элементами; они идентичны дербентским этого же времени. Только на рубеже XIX–XX вв. мастерами-резчиками стал использоваться квадратный печатный шрифт. Эпитафии на протяжении всего периода действия могильника (30-е годы XIX — вторая половина XX в.) имеют единую формулу посвятельного текста: «Здесь был похоронен... в день ... месяца ... года ... по Малому счислению». Нужно отметить, что этот стиль оставался образцом и не изменялся на всем протяжении существования некрополя. Вторая формула, которая отмечена на могильнике, начинается эпитафию следующими словами: «День кончины», далее приводится имя, с указанием имени отца и последовательно приводится дата — еще раз день, месяц, год по способу счисления.

Эпитафии позволили сделать интересное замечание о языках в общине Маджалиса. Еврейский язык (иврит) не являлся разговорным: почти весь XX в. тексты были двуязычными: еврейский — русский, с конца XX в. — русский — еврейский.

Горские евреи, «живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, но <...> малоизвестные любителям истории», оставили о себе свидетельства, которые никогда преж-

де не были введены в научный оборот. В очерках по горским евреям Иуда Черный весь собранный материал записывает под 1869 г., он сообщает о раввинской службе и женщинах-плакальщицах, что так растрогали его, но больше и чаще упоминает селение Янгикент близ Маджалиса и приводит почти равное количество домов для этих двух селений — 110–116 [Черный 1992: 2; Арутюнян 1970: 24, 42].

Интересно, что кумыкско-даргинское селение Янгикент («Новое село») возникло как часть еврейского селения Ньюгеди, но впоследствии, когда евреи покинули родное село, единственной его обитаемой частью остался Янгикент, а собственно Ньюгеди запустел, и даже его название вытеснено новым — Янгикент [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Аул Янгикент расположен на северо-западе от Маджалиса, еще выше в горах, во внутренних долинах, изобилующих родниками. Тесные общинные контакты Янгикента и Маджалиса подтверждают и эпитафии надгробий.

Кладбище расположено на западной окраине современного селения. Само кладбище практически не сохранилось: современное активное частное домовое строительство поглотило почти всю площадь некрополя. Большая часть надгробий нами обнаружена не на своем месте. Только 11 надгробий уцелело на своем первоначальном месте, к этому числу можно прибавить еще 17 фрагментированных надгробий, от которых уцелели основания, уходящие в землю. Остальные 52 фрагмента были собраны жителями (видимо в момент строительства) на небольшом пространстве между жилыми домами и завалены строительным мусором (рис. 7).

Для научной фиксации они были освобождены от мусора, пересчитаны, всего оказалось 80 памятников, целых и фрагментов, и на плане они были отмечены на месте обнаружения. Только в одном случае удалось соединить верхушку и основание и прибавить к целым надгробиям еще одно условно целое. Все надгробия с уцелевшими на них обрывками посвяtitельных текстов дали ограниченный эпиграфический материал для исследования — это или одни только даты, или вступительные

формулы, или только имена. По вступительным формулам и по черку резчика эпитафии действительно перекликались с маджалисскими, а вот архитектурно община вырабатывала свои модели и пристрастия.

Зафиксированные образцы стилистических формул эпитафийного стиха, почерков, а также зарисовки архитектурных типов и форм надгробных камней подтверждают наличие тесных связей между общинами и даже активное переселение.

Выше уже отмечалось, что в XVII в. в Дагестане основными районами, где жили горские евреи, являлись Дербентское ханство и владение уцмия Кайтагского. К XVIII в. вокруг Дербента и в прикаспийской долине р. Самур (Мушкур, Мискур) образовался сложный конгломерат потомков кавказских албан и переселявшихся сюда армян, азербайджанцев, отчасти арабов и татов, западных иранцев по языку, разного вероисповедания (иудаистов, т.е. «горских евреев — «джухур», мусульман — шитов и суннитов, а также христиан-григорианцев) [Викторин 2015: 92].

Аул Нюнди-Мюшкюр находился на территории Дербентского ханства среди других селений Ханджелъкала, Бильгади, Пенджди и Мамрач: в них когда-то жили евреи. Некоторые были чисто еврейскими, но, к сожалению, до настоящего времени лишь в Нюнди проживают несколько семей [Семенов: <http://berkovichzametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. В XIX–XX вв. Нюнди представляло пример настоящего дагестанского селения, где переплелись исторические судьбы трех народов: состав его населения — азербайджано-лезгино-еврейское. От их пребывания остались лишь кладбища, храмы и синагога. У горских евреев село именовалось Мюшкюр, отсюда и сохранилось другое название — Нюг-ди-Мюшкор [Тарихи «Дербенд-Наме» 2007: 40; Викторин 2015: 92].

Нюнди находится по береговой линии южнее Дербента, в 37 км близ большого села Беленджи. Местные евреи считали себя переселенцами из Хели-Пенджика, но, как показало дальнейшее изучение, их надгробия эпиграфически оказались очень близки общине Карчага. В Нюнди сохранилось огромное еврей-

ское кладбище, уцелевших надгробий чуть более 200, не считая 50 просевших могильных ям, над которыми не сохранилось надмогильных камней. Иуда Черный, посетивший также и Ньюджи, свидетельствовал, что на 1867 г. в селении проживало 38 евреев, к 1886 г. — 778, в 1897 г. — 479, в 1926 г. — 276 евреев.

Эпиграфические наблюдения позволили откорректировать и датировки, и статистику. Наиболее старые из обнаруженных надмогильных памятников датируются началом XVIII в. (1708 г.), последние по времени относятся к 40–50-м годам XX столетия. Архитектурно-декоративное оформление надгробий на кладбище селения Ньюджи получило особое развитие.

На середину XIX в. приходится 60 надгробных камней (по сохранившимся эпитафиям), что примерно согласуется со сведениями И. Черного [Черный 1992: 42]. Это косвенно свидетельствует о наибольшей плотности населения общины за весь наблюдаемый по эпитафиям период — XVIII–XX вв.

В течение XIX в. в селении соседствуют две ньюджиинские общины: еврейская, переживающая активность, она увеличивается почти вдвое от первоначального ядра, и армянская, которая начинает отстраивать или восстанавливать храм. О восстановительных работах сообщал камень, находившийся внутри храма-часовни Св. Григориса, с надписью на армянском языке, который находился до 90-х годов на хранении в одной местной семье. Перевод надписи был осуществлен Дмитрием Геворкьяном и гласит о том, что «госпожа Елизавета Кочкачянц реставрировала церковь в память о себе и своей семье ... 1879 г.» [Геворкьян: <http://www.sarinfo.org/sarnews/13-11-13.shtml>]. Вторая армянская надпись храма-часовни сообщает, что в «год Господень 1916» храм отреставрирован на средства родных братьев Ванецянц, Григора и Лазаря Петросовичей [Геворкьян: <http://www.sarinfo.org/sarnews/13-11-13.shtml>].

По всему видно, что в результате строительных мероприятий небольшую часовню, стоявшую на этом месте до начала XX в., сменили на красивейшее здание церкви Св. Григориса. Эти ремонтно-восстановительные работы удивительно отразились на архитектуре и орнаментике надгробий еврейского клад-

бища. До начала 70-х годов XIX в. все типы надгробий представляли собой простые и неприхотливые формы стел, порой из грубо отесанных монолитных блоков.

Ситуация резко меняется с конца 70-х годов XIX в. Устанавливаются стелы, выполненные в совершенно другой каменотесной традиции. Мастера выбирали для них сероватый и желтоватый плотной структуры песчаник, который отесывался с четкими геометрическими гранями, шлифовался почти до полировки. Фасадная поверхность украшалась тонко вырезанными, прекрасно орнаментированными арочными экранами-картушами, куда врезалась надпись. По датированным надгробиям можно предельно точно отнести такие архитектурные изыски к 70–80 годам XIX в. (рис. 8–9).

Затем наступил период некоторого примитива, а потом заказчики ко вторым ремонтным работам на армянском храме вошли во вкус. Раввины еврейского аула Овед бен Мукдаши (1880-е годы), Ифтах бен Овадия (с 1906 г.) видели положительное в таком тесном, на бытовом уровне, контакте двух народов¹.

Последние по времени надгробия относятся к 40–50-м годам XX столетия, когда в селе оставалось не более десятка еврейских семей.

Эпитафии XIX в. наиболее информативны, они дают новую формулу записи даты, где счет дней ведется от шабата и от новолуния, круг счисления указывается как по Малому счислению (לפ"ק), так и по Сотворению мира (לצירדה, לב"ע). Евлогии записывались в основном в сокращениях, а заупокойные и благопожелательные молитвы очень разнообразны и довольно часто использовались. Почерки не очень вариативны. Скорее всего, в общине было около четырех мастеров, которые владели ремеслом резчика и знали язык. Применявшиеся шрифты оказались близки памятникам из селения Хели-Пенджик и аула Карчаг.

Карчаг и Хели-Пенджик наряду с другими еврейскими селениями Араг, Джерах находились в горных областях, непосредственно примыкавших к Дербендскому ханству с юго-запада,

¹ Их надгробия сохранились на кладбище с. Ньюджи.

в Табасаране и Кюра [Беккер 2015: 184–185; Викторин 2015: 191–193]. Дialect жителей этих селений очень близок к дербентскому и практически неотличим от него [Семенов: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>]. Возможно, что именно сосредоточенность их в сельской местности сохраняла эту устойчивость языка.

Небольшое селение Хели-Пенджик находится в Табасаране. Старое кладбище в современном селении не сразу удалось найти. Оно расположено при въезде в селение, слева от трассы, в 500 м от указателя населенного пункта. Кладбище занимает площадь около 200 кв. м, в каждом ряду по четыре, иногда по пять надгробий, приблизительно в девять рядов. Жилые дома, подходящие вплотную к кладбищу, и разрушения не позволяют восстановить прежние его границы. Уцелело 44 памятника, между ними 12 просевших могильных ям без надгробных стел.

Все надгробия представляют собой стелы без какого-либо орнамента, только на некоторых были экраны, в которых были вырезанные поминальные тексты (рис. 10). Хронологические рамки некрополя: 50-е годы XIX в. — самое начало XX в., что позволяет судить о кратковременности поселения: в одно или два поколения.

Представлены несколько видов почерков, бытовавших практически в одно и то же время, два из них находят параллели с эпитафиями из Ньюджи этого же времени, причем они и стилистически очень близки. Сами эпитафии довольно однообразны: вступительная формула только одна: «по никбар» — полная и аббревиатурная запись (ג'ב). Способом передачи даты — здесь всегда была запись по Малому счислению (ג'פ'פ'), — а также редко употребляемыми эпитетами кладбище селения Хели-Пенджик сближается с соседней общиной Карчага.

Происхождение общины предание относит к середине XVII в., т.е. к персо-мидийскому переселению евреев в Кубу 1646 г. и последовавшей новой миграции в Карчаг [Беккер 2015: 184–185].

Иудейский некрополь находился на вершине большого глиняного холма, доминирующего над современным селением на

юго-западе. Издали видны на вершине остатки крепостных построек, полуразрушенные сторожевая башня и стены, сложенные из песчаника, в 500 м левее от строений на плато располагается мусульманское кладбище. По левому склону за гребнем уже еврейское кладбище: гребень стал естественной границей между двумя некрополями.

Камень надгробий — песчаник, стелы почти все оформлены экраном-рамкой по образцу мусульманского кладбища, расположенного рядом, чаще прямоугольной или треугольно-арочной формы. Встречены и точные копии с мусульманских образцов, где экраны антропоморфной формы, а поля декорированы резной плетенкой (рис. 11). По уцелевшим эпитафиям хронологические рамки существования общины и некрополя — от 90-х годов XVIII в. до двух первых десятилетий XX в. Эпитафии, выполненные неглубоким внутренним рельефом, частично или полностью выветрены. Последняя дата на уцелевших надгробиях некрополя Карчаг — 1914 г. (к сожалению, ожидаемого времени конца XVII в. зафиксировать из того, что осталось, не удалось).

Тем же временем заканчивается и история некрополя селения Джерах. Оно примечательно аналогичными антропоморфными экранами на надгробных стелах.

Селение Джерах находится в глубинных районах Табасарана, на высоте около 500 м над уровнем моря. Некрополь в окружении двух больших мусульманских кладбищ. Здесь зарегистрирована та же архитектурно-типологическая преемственность. Все надгробия — стелы — украшены рамками, иногда они завершаются арочным контуром. На трех (одних из самых ранних по времени) надгробиях экран имеет антропоморфные очертания, как в Карчаге (рис. 12). Почерки и шрифты встречаются самые разнообразные. По руке мастера выявлено более восьми образцов почерков: от курсива до строгой печатной квадратной формы. И это несмотря на замкнутость поселения горными отрогами! Правда, не один из почерков не приобрел устойчивость.

То же можно сказать и о формулах эпитафий: стилистически они очень разнообразны, но нет доминирующей. Обнаруживаются несколько структурных оборотов, которые зафиксированы

в Маджалисе, Карчаге, Ньюди, Хели-Пенджике (см. табл.). Хронологические рамки действия некрополя — от первых годов XIX в.

Некрополь	Формулы: вступ., закл.	эпитеты	эвлогии	дата и формулы даты
Абасава	1. יום שנפטר	1. חסד	1. ל' ב'ת'	1. בשבת 2. כיום ראשון 3. לחדש 4. רבעה עשרם 5. ליצירה 6. לפ"ק
Дербент	1. יום שנפטר 2. יום שנקבר 3. פה ניקבר 4. לביע'	1. הבחור 2. החסיד	1. גיע - נוחו ערך 2. ליע לביע- לבית עולמו	1. יום ראשו 2. בשבת 3. ש"ק 4. לחדש 5. לפ"ק 6. לפ"ק ליצירה
Маджалис	1. פה נקבר 2. זאת מאבת 3. יום שנפטר 5. לפ"ק 6. ישי"נים יבוא שלום ינוה על משכבו 7. תצ"כ 8. לביע'	1. הנכבד 2. הצנועה	1. גיע - נוחו ערך 2. ג"ב ג"ם 3. לביע' 4. מב'ניע 5. שה'לע	1. 2. עש"ק - ע"רב שבת קדש 3. לחדש 4. לפ"ק
Янгикент	1. פה נקבר 2. יום שנפטר	1. הבחור 2. העניו	1. נב"גם 2. גיע	1. לחדש 2. ש"ק 3. עשק 4. בשבת 5. לחדש 6. לירח ניסן 7. בשבת 8. לפ"ק
Ньюди	1. זה ציון קבר 2. זה אבן של 3. יום שנפטר 4. פה נקבר 5. פה נטמה 6. פה נמטר 7. לפ"ק 8. נב"מ - נשמתו בנ			1. עש"ק - ע"רב שבת קדש 2. ה"א - הם אמאו 3. דש"ה - דברי ש'מעו ה'ון 4. לירח ניסן
Корчаг	1. יום שנפטר 2. פה נקבר 3. יום שהלך 4. פה נטמן 5. ת'צ"כ"ה	1. הכבדה 2. הצנועה 3. בחור		1. ש"ק 2. בשבת 3. לחדש 4. שנת 5. לפ"ק
Джерах	1. ציון קברת 2. יום שנפטר 3. שהלך לבית עולמו 4. יום שהלך 5. זה ציון קבורת 6. פה נקבר 7. ת'צ"כ"ה	1. האשה 2. הצנועה 3. חסיד 4. נער 5. הבחור 6. אשה נכבדת	1. דש"ח - דברי ש'מעו ח'ון 2. גיע	1. בשבת 2. לחדש 3. עשק 4. עשרים ששישה 5. יום ראשון 6. מנחם אב 7. לפ"ק
Х-Пенджик	1. שהלך לעולמו 2. פה נקברה 3. שהלך לע' 4. פה נקבר ונטמן 5. ת'צ"כ"ה 6. לביע'	1. הנשמה 2. הצנועה 3. נערה	1. גיע - נוחו ערך 2. ג'ת' - ג'משו בטוב תלך 3. דש"ח	1. עש"ק - ע"רב שבת קדש 2. לירח ניסן 3. עש"ק 4. לפ"ק 5. בשבת 6. ליציר

Сравнительная таблица структурных элементов эпитафий

до начала XX в. На военный (1916 г.) приходится самая поздняя эпитафия из всех зафиксированных уцелевших надгробий. По эпиграфическим наблюдениям период Кавказской войны (1817–1864 гг.) характеризуется мобильностью языка надгробных текстов, неустойчивостью почерков, особым разнообразием архитектурных форм надгробий: община страдала от преследований с обеих сторон. Источники сообщают о захвате в 1843 г. аула Джерах одним из отрядов Шамиля, который вел Хаджи-Мурат. Многим евреям удалось тогда заблаговременно бежать, но дома, вероятно, большей частью, были сожжены, так как на 1869 г. Иуда Черный отмечает всего 20 «дымов» [Черный 1992: 42].

Предпринятые эпиграфические наблюдения на некрополях Дагестана стали частью больших работ по сохранению и изучению культурно-исторического наследия, какими, безусловно, являются старые кладбища округа Дербента. Всего на девяти исследованных некрополях вышеупомянутых селений Южного Дагестана удалось зафиксировать более 1000 уцелевших надгробий, 780 эпитафий.

Полный свод надгробных текстов как своеобразного письменного источника дополняет, а в иных случаях восстанавливает историческую картину жизни горских евреев Дагестана в пределах XVII–XX вв. Чертежи надгробий с каждого некрополя позволили выявить аналогии, синхронность распространения типов. Прориси текстов с обследованных могильников дали образцы почерков и шрифтов, которые собраны в сводную таблицу. Неизвестные нам мастера передавали шрифты от курсива до строгой печатной квадратной формы, но в каждой общине были особые почерки. Эпитафии, сгруппированные в единый каталог, показывают уровень религиозности в общинах, владения языком, знания библейского текста и умения сложить эпитафию.

Наблюдаются и активные контакты между общинами. Показательна община Джераха, где, несмотря на замкнутость поселения горными отрогами, зафиксированы шесть почерков других селений Южного Дагестана. Правда, не один из почерков не приобрел устойчивость. Зафиксированные аналогии говорят о сохранении языковой ивритской письменной традиции вплоть

до начала XX в. Стилистические обороты эпитафий, как и подбор евлогий, сближают еврейские общины Дагестана с остальными регионами восточно-каспийской диаспоры.

Библиография

- Алкадари Гасан.* «Асари-Дагестан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>.
- Анисимов И.Ш.* Кавказские евреи-горцы. М., 1888.
- Беккер М.В.* Евреи Дагестана // Материалы и сообщения Междунар. науч.-практ. конф. «Дербент — город трех религий». Дербент, 2015.
- Викторин В.М.* Этнолингвистический татский массив: три религии монотеизма в селениях вокруг Дербента (XVII–XIX вв.): исходная общность и новые встречи // Материалы и сообщения Междунар. науч.-практ. конф. «Дербент — город трех религий». Дербент, 2015.
- Геворкьян Д.* Часовня Святого Григориса. Памятник от истоков христианства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sarinfo.org/sarnews/13-11-13.shtml>.
- Голб Н., Прицак Е.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
- Дорн Б.* Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Тр. Восточного отдела Русского археологического общества. СПб., 1864. Ч. VIII.
- Кашовская Н.В.* Свод еврейских надгробных текстов Южного Дагестана: полевая фиксация, датировка, стилистические особенности эпитафий // Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений. Этнология, история, археология, культурология. 2012–2013 гг. Лавровский сборник. СПб., 2013.
- Кашовская Н.В.* Эпиграфическая экскурсия в горное селение Лайлаши // Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 г.). М., 2014.
- Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- Куповецкий М.* Евреи Кахети в XIV–XVII веках // Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 г.). М., 2014.
- Лернер К.* Евреи Грузии: от эллинизма до позднего феодализма. Иерусалим, 2008.
- Лернер К.* Евреи Грузии: аккультурация без ассимиляции (II в. до н.э. — XX в.) // Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 г.). М., 2014.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

- Семенов И.Г.* Горские евреи Северного Кавказа и Дагестана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Semnov1.htm>.
- Семенов И.Г.* Основные критерии традиционной этнической идентификации горских евреев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mncip1.narod.ru/t002.htm>.
- Семенов И.Г.* О ранних контактах восточно-кавказских евреев и хазар. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sarkel.ru/istoriya/o_rannih_kontaktah_vostochnokavkazskih_evreev_i_hazar_semenov_igor_godovich.
- Тарихи «Дербенд-Наме» / Под ред. М. Алиханова-Аварского; вступ. ст., коммент. А.Р. Шахсаидова. Махачкала, 2007.
- Фиркович А.С.* Книга памятных камней. Вильна, 1872. (на иврите).
- Черный И.Я.* Горские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870; репринт. издание: М., 1992.
- Шапира Д.* Как наблюдатель трансформирует наблюдаемый объект. Фиркович на Кавказе в 1840 г. и в 1849–1850 гг. и его влияние на горских евреев // *Judaica Rossica*. 2006. Вып. 4.
- Шапира Д.* Общины евреев Востока на территории Российской империи и СССР // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. М., 2010 Т. 1.